

Ақберген А.И.
**Свобода как ценность
современного общества**

В данной статье свобода рассматривается как социальная ценность, необходимая для комфортного развития отдельного индивида и общества в целом. Свобода является предметом философской рефлексии достаточно продолжительное время. В статье изложена точка зрения, согласно которой свобода имеет многогранные проявления – в сфере политики, религиозного выбора, социальной сфере, науке, искусстве. Наибольшую важность для общества имеет сохранение ценности свободы в политике и религиозной жизни общества. Свобода во многом определяет будущность существования другого культурного опыта, других ценностей. Автор статьи делает акцент на том, что свобода являлась ценностью, свойственной традиционному казахскому обществу, несмотря на определенные теории, согласно которым свобода как ценность в первую очередь есть продукт революционных потрясений Европы. В современном казахстанском обществе произошла определенная трансформация свободы как ценности. Огромное внимание привлекает к себе ситуация со свободой совести и свободой в сфере политической жизни в Казахстане. В современном казахстанском обществе есть опасность утраты свободы выбора духовных практик и принятия политических решений. Поэтому для предотвращения возможных негативных последствий необходима четкая, сбалансированная политика в области религии, а также либерализация политической жизни общества.

Ключевые слова: социальная ценность, ценность, свобода, светское общество, трансформация общества.

Akberen A.I.
**Freedom as value of modern
society**

In this article, freedom is seen as a social value required for comfortable development of the individual and society as a whole. Freedom is the subject of philosophical reflection long enough. The article presents a point of view according to which freedom is multifaceted manifestations – in politics, religious choice, the social sphere, science, art. The greatest importance to society is the preservation of the values of freedom of religion in politics and society. Freedom largely determines the future of the existence of other cultural experiences, and other values. The author emphasizes that freedom is a value inherent in the traditional Kazakh society, despite some theories that freedom as a value in the first place is a product of the revolutionary upheavals in Europe. In the modern Kazakh society was a certain freedom as a transformation of values. Great attention attracts the situation with freedom of conscience and freedom in the sphere of political life in Kazakhstan. In modern Kazakhstan society there is a danger of loss of freedom of choice of spiritual practices and political decision-making.

Key words: social value, value, freedom, secular society, the transformation of society.

Ақберген А.И.
**Бостандық қазіргі заман
қоғамының құндылығы
ретінде**

Бұл мақалада бостандық жеке тұлға мен жалпы қоғамның жайлы дамуы үшін қажет әлеуметтік құндылық ретінде қаралады. Бостандық ұзақ уақыт бойы философиялық рефлексияның мәні болып табылады. Мақалада бостандықтың саясат, діни таңдау, әлеуметтік сала, ғылым мен өнер саласындағы көптеген қырлары бар деп танылатын көзқарас келтірілген. Қоғам үшін саясатта және қоғамның діни өміріндегі бостандықты сақтау аса маңызды болып табылады. Бостандық көп жағдайларда басқа мәдени тәжірибенің, басқа да құндылықтардың болашағын айқындайды. Мақала авторы бостандықтың бірінші кезекте Еуропаның революциялық өзгерістерінің жемісі болып табылады деген белгілі теорияларға қарамастан, оның дәстүрлі қазақ қоғамына тән құндылық болып табылатындығына ерекше назар аударады. Қазіргі заманғы қазақстандық қоғамда бостандықтың құндылық ретінде белгілі өзгеруі орын алды. Қазақстандағы арнамыс бостандығы мен саяси өмірдегі бостандыққа қатысты жағдай өзіне зор көңіл аударуда. Бүгінгі қазақстандық қоғамда діни тәжірибелер мен саяси шешімдер таңдауда бостандықты жоғалту қаупі бар.

Түйін сөздер: әлеуметтік құндылық, құндылық, бостандық, зайырлы қоғам, қоғамның өзгеруі.

СВОБОДА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Введение

Тему свободы поднимали не только в философии, но и в искусстве, религии, науке. Свобода является наравне с толерантностью одной из ведущих социальных ценностей в современном обществе, и не только казахстанском. Свобода, как и толерантность, определяет будущность возможности изменений в обществе, культурного обмена, развития личного и общественного во всех сферах (политика, искусство, трудовая деятельность), она позволяет мыслить, реализовывать себя. Свобода выступает как допуск, разрешение на пути нахождения себя в этом мире, возможность сказать свое слово или сделать свое дело в труде, в политике, возможность исповедовать или не исповедовать религиозные взгляды. При упоминании слова «свобода» в казахстанском обществе вспоминают о разных достойных славы и уважения фактах из истории казахской степи: многообразии культурных, религиозных учений, отсутствие рабства в истории (за редкими исключениями), традиции свободомыслия в фольклоре. Поэтому освещение ценности свободы будет начинаться с истории свободы в казахской степи, а далее ее состояние в сфере религии, политики и искусства.

Основная часть

Свобода в истории казахской степи

Согласно Сегизбаеву, классика казахской философии, казахское общество всегда отличалось тягой к свободе. Кочевники не являлись последователями одной религии, а имели разветвленные религиозные представления [1, с. 25]. Исторически сложилось так, что в устном творчестве формировались идеи свободомыслия [1, с. 33]. Как отмечает Кабыкенова, «понятия свободы, равенства и справедливости в правовом сознании кочевников занимают особое место. Они относятся к главным ценностям человека, в восприятии которых преобладают иррациональная сторона мышления. Свобода для кочевников была не просто абстрактным понятием, а жизненным явлением, социальной реальностью. Они чувствовали свободу как неотъемлемое свойство, стержень своего образа жизни в целом. Поэтому

кочевники берегли, сохраняли и уважали свободу, всегда чутко реагируя на всякие формы ограничения, в частности, с глубокой настороженностью относились к проявлениям ханской власти и царского правительства России» [2, с. 228]. Кочевник свободен, но свободен в рамках определенных моральных устоев, определенного порядка, проистекающего от Тенгри-Неба, то есть подлинно аутентичному казахскому этносу верованию [2, с. 227]. Как и Сегизбаев, Кабыкенова постулирует мысль о том, что идеи свободомыслия проявились, прежде всего, в фольклоре народа: пословицах и поговорках, сказках и эпосе, которые во всей полноте раскрывают историю народа, его психологию, его базовые ценности и культурный опыт [2, с. 228]. Один из первых поборников идей свободы в истории казахского общества – Асан Кайгы. Исторически в казахском обществе любые ограничения свободы, источники которых были извне, воспринимались критически, будь то ограничения религиозного или политического характера. И как отмечает Марта Олкотт, казахи не являлись истинными поборниками ислама и не желали элиминировать из своего общественного сознания элементы архаических верований, в силу той причины, что большая часть населения из-за занятости в специфической экономической деятельности (кочевом скотоводстве) была удалена от какого-либо влияния городов с центрами исламской культуры [3, с. 19]. В случае же недовольства властью казахи откочевывали от власти имущих.

Можно заключить, что свобода была в культуре казахского народа одной из самых высоких духовных и практических ценностей.

Религиозная свобода

Сразу хотелось бы отметить, что в казахстанском обществе декларируется свобода совести и свобода вероисповедания, и Республика Казахстан утверждает себя светской. Но, пожалуй, дебаты о свободе в области религиозных взглядов сегодня сотрясают казахстанское общество больше всего. Ценность свободы в этой сфере конечно трудно переоценить. Но полемика вокруг деятельности разных религиозных объединений разгорается в обществе все сильнее. Споры возникают вокруг их деятельности, влияния на умы и поведение граждан, например, спорные ситуации возникают по поводу правомочности ношения религиозной одежды или атрибутики в учебных и государственных заведениях. Негодование и осуждение вызывают отдельные личнос-

ти, призывающие на фоне религиозных взглядов к участию в конфликтах зарубежом, а то и в родной стране, разжигающие рознь. Прокатившаяся в стране несколько лет тому назад волна терактов вызвала всплеск интереса к теме религиозной свободы не только в общественном мнении, но и у специалистов, скажем, возросло количество грантов на получение образования в области религиоведения.

Таким образом, мы можем отметить, что, с одной стороны, есть некая оправданность в ужесточении религиозной свободы, так как есть вполне реальные покушения на конституционный строй, на психическое здоровье граждан. С другой стороны, есть специалисты в отечественной науке, которые, несмотря на упреки в ангажированности Западом, резонно замечают, что государство пытается контролировать религиозные организации, сделать определенную селекцию, а некоторые конфессии постепенно превращаются в рупоры пропаганды. Иными словами, нарушается равенство между религиями, некоторым из конфессий – исламу суннитского толка и христианскому православию отдаются предпочтения. Очень интересную мысль высказывает известный журналист Борейко. Он вопрошает, что такое нетрадиционная религия? «С какой точки зрения вера должна быть традиционной, чтобы попасть к власти в фавор? Может быть, с географически-исторической? Но тогда в «законе» должны оказаться туранские идолопоклонники Аримана. Или, возможно, зороастрийцы, проповедовавшие на нашей территории, как говорят некоторые историки, еще до возникновения христианства и ислама. Впрочем, я утрирую. Скорее всего, авторы поправок подразумевают именно мусульманство и православие, понимаемые ими как традиционные – из-за наибольшего количества адептов в стране. А нетрадиционные для Казахстана протестанты, лютеране, баптисты, Свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня, буддисты (чань- и дзен-), кришнаиты, бахайцы, почитатели Шивы и Кали и прочие «неформалы» должны еще доказать свою лояльность и безвредность для национальной безопасности и нравственности [4, с. 56]». То есть, с одной стороны, государственная машина хочет не только сохранить свою монополию на власть, но и контролировать сферу духовных взглядов казахстанцев, или иными словами, провела «приватизацию Бога» [4, с. 57]. В тоже время Борейко подмечает, что единства в казахстанском обществе по этому вопросу не наблюдается, ибо каждая из сторон преследует лишь свои ин-

тересы: миссионеры желают заполучить больше прихожан, священнослужители традиционных религий не желают реформ (например, упрощение культа, большой процент использования казахского и (современного) русского языков), боясь потерпеть раскола, а верующие, что вполне естественно, не желают вообще чьего-либо вмешательства и контроля над их убеждениями. И приводит аргумент, почему секты имеют все причины для своего выживания и утверждения, ссылаясь на то, что имеются данные, согласно которым миссионеры в Киргизии и Узбекистане не гнушаются выдавать денежные средства прихожанам [4, с. 58]. Подобное происходит и у нас (например, постройка домов нуждающимся прихожанам за счет общины в Актюбинской области). Казахский религиовед Артемьев критикует вмешательство государства в религиозную жизнь общества. В одной из своих статей он приводит пример, который, по его мнению, является вмешательством государства в личный выбор человеком религиозных взглядов. «К примеру, даже такая солидная программа, как «Жеті күн» на «Хабаре», выдала в эфир материал о том, как молодой человек обратился в прокуратуру г. Тараза с заявлением на своих родителей, которые «посягают на его гражданские права», заставляя посещать общину Свидетелей Иеговы. Это письмо послужило поводом для обращения прокурора в суд с иском о признании регистрации данной религиозной общины недействительной. А причем здесь религиозная община? Если бы родители заставили своего сына в противовес его желанию вступить, к примеру, в партию «Отан», обратился бы прокурор с иском о признании на ее гражданское отделение [4, с. 64]?» По его мнению, какая бы ожесточенная борьба не шла среди религиозных организаций за паству, государство не должно оказывать лобби ни одной, ни тем более брать на патронаж, ибо оказание подобной поддержки противоречит светским принципам государства. С одной стороны, такие замечания вполне резонны. Казахское общество рискует повторить опыт соседней России, введя по опыту соседа статью в Уголовный Кодекс за оскорбление чувств верующих, отдав предпочтение одной или двум конфессиям и начав «охоту на ведьм».

Весьма критично и спорно, но оригинально, по своему в духе ницшеанства отразил ситуацию в религиозной сфере в казахском обществе аналитик Антон Птица. В обществе, еще недавно бывшем по большому счету атеистическим, стала появляться тенденция к разобщению в

религиозной сфере по нескольким группам. К ним Птица относит следующие группы.

Политический ислам. Это официальный ислам, почти полностью контролируемый государством, рупором выступает Духовное Управление Мусульман Казахстана [4, с. 113]. И, по мнению исследователя, он сильно уступает в идеологической подготовке теологам, не относящимся к его представителям. Примером тому может послужить популярность деятельности одиозных мусульманских проповедников, которые благодаря современным информационным технологиям привлекают внимание большого количества людей, и надо заметить, что количество людей, приобщающихся к контенту мусульманского толка, не контролируемого ДУМКом, растет. Реальный ислам. К нему относится ислам, существующий в виде отдельных общин, не желающий видеть других посредников между ними и Богом [4, с. 113]. Речь идет именно о тех общинах, проповедниках, которые неподконтрольны ДУМК. Примером тому мы можем назвать выявляемые полицией незарегистрированные мусульманские молельные дома, точки по продаже несертифицированной аудио-, видеопроизведения, литературы религиозного содержания. Православие, по мнению Птицы, является одной из тех конфессий, которая находится в проигрышном варианте, ввиду того что оно все больше политизируется и достаточно давно коммерциализировалось. Реального православия по аналогии с исламом в казахском обществе нет [4, с. 114]. В тоже время Птица выступает с осуждением деятельности протестантских церквей в казахском обществе, считая их проводниками западной идеологии, направленной на подрыв устоев общества. Правозащитников он смело и не толерантно называет ангажированными Западом, получающими финансирование за свою деятельность, направленную на поддержку протестантских организаций и объединений [4, с. 114]. Прочие религиозные объединения он не считает опасными и не такими важными для учета, так как полагает, что лишь небольшой процент, по его мнению, не вполне психически здоровых людей вступает в их ряды. Роль таких объединений в казахском обществе он называет, по сути, естественным отбором, ведь данные объединения рано или поздно, по его мнению «уничтожают» своих последователей [4, с. 114].

Можно сделать вывод, что ситуация с религиозной свободой в казахском обществе будет вызывать дискуссии еще продолжительное время.

Свобода самовыражения или Je suis Saïd Atabekov

Свобода самовыражения является неотъемлемым правом в любом демократическом обществе. Но свобода выражать мысли в искусстве и политике встречает сопротивление не только в казахстанском обществе, но и в мире, возникают нешуточные волнения и дебаты. Хотелось бы обратиться к примеру нашумевшего изображения двух видных представителей двух народов, за которым последовали преследования, шум в медиа-среде и общественном сознании, а также деятельности одного французского журнала, последовавшей за ней террористической атаки, слова поддержки и ненависти к пострадавшим по всему миру. И в первом и во втором случае последовали акции, флэш-мобы, дискуссии в сетевом пространстве. Во втором случае наблюдалась определенная активность и в казахстанском сегменте всемирной паутины, прессе. Это интересный феномен для казахстанского общества как определенная проверка на выбор ценностей. Последовали и аватары в сетях аля Je Suis, но не художника, а скорее лица с ним, не согласного, а также в преданности и любви к одной из мировых религий. Но тут, как говорит словенский философ Жижек, можно наблюдать интересный феномен. «Один из интересных феноменов, который можно наблюдать в пост-коммунистических странах, – это ненависть к коммунистическому режиму и его оставшимся в живых представителям со стороны писателей и журналистов, которые не только не принимали участия ни в какой серьезной диссидентской деятельности, но даже сотрудничали с режимом больше, чем было необходимо не только для личного, но и для профессионального выживания. В Словении, например, один пожилой поэт постоянно требует применения радикальных мер к «деятелям, оставшимся из прошлого», и предупреждает, что хотя они и потеряли общественную власть, коммунисты все еще продолжают тайно управлять экономической и социальной жизнью страны. Между тем, не так давно этот поэт был довольно послушным журналистом, который, среди всего прочего, воспевал утонченный культурный вкус коммунистического чиновничьего аппарата, который сейчас обвиняют в организации политических демонстративных судебных заседаний – что совсем не было необходимым для его профессионального выживания» [5, с. 111]. Не давая оценок эпатажной работе художников, можно, так или иначе, сделать вывод, что их поступок не первый в истории, который тем или

иным образом затрагивает тему религии и вызывает определенные чувства и эмоции верующих. Взять хотя бы творения режиссеров Пазолини, Кевина Смита. Но она является индикатором отношения к ценности свободы слова и самовыражения. И нужно сказать, что в казахстанском обществе внутренняя самоцензура превалирует над правом сказать. И опять же не давая оценок, кто прав, а кто виноват, хочется сказать, что интерес к этому журналу вырос лишь за счет медиа-технологий. Когда в родных пенатах нечто подобное если не по форме, то по содержанию уже было, но ныне мало кто вспомнит, хотя посыл у отечественных художников был глубоким, и в контексте наших реалий. Речь идет о работе отечественного художника Саида Атабекова, описанной в журнале «Тамыр». «Однажды Саид Атабеков выжег в Коране дыру и вставил в нее облитый зеленой краской камень. И сколько искусствоведы ни убеждали общественность, что ислам в Казахстане был слабо развит в силу кочевом быту не строили даже мечетей, что элементы пантеистических ритуалов до сих пор присутствуют в народной жизни, а изображения людей, запрещенных исламом, – на улицах и в музеях, и что Коран Саида – это визуализация кочевого варианта ислама, и что это вообще – художественный, а не религиозный объект, возмущенная общественность, которая еще недавно была коммунистической общественностью, осталась при своем, весьма негативном мнении. На самом деле Саид – человек верующий. Просто ему не нравится, когда бывшие секретари компартии желают стать тринадцатыми пророками» [6, с. 60]. Нет ничего страшнее убийства творца в художнике, и очень страшно выхолащивание, как говорил Альбер Камю. Искусство должно действительно поднимать реальные проблемы и брать корни из жизненных реалий. «Искусство для искусства, утеха художника-одиночки, – это именно искусственное искусство абстрактного, искусственного общества. И его логичное завершение – искусство светских салонов или же чисто формальное искусство, питающееся претенциозными выдумками и абстракциями, которое приводит к полному разрушению всякой реальности. Кучка таких произведений приводит в умиление кучку избранных, в то время как множество грубых подделок под искусство портит вкус остальному множеству людей. В конечном счете такое искусство утверждается вне общества и полностью отрезает себя от питающих его животворящих корней» [7, с. 266]. Свобода в ка-

захстанском искусстве рискует превратиться в непопозволительную роскошь. Едва ли набирается в Казахстане за год более 40 политических выступлений [8, с. 32], так и в искусстве среди казахстанских творцов не каждый готов выразить свой взгляд подобно Атабекову в его перформансе «Сон Чингисхана» [6, с. 60], или же как другой отечественный художник Ербосын Мельдебек в своем видеопроекте «Пол Пот» [6, с. 61].

«Самая оклеветанная из сегодняшних ценностей – это, несомненно, свобода...» (Альбер Камю)

В конце хотелось бы привести несколько расширенных тезисов.

1. В современном казахстанском обществе, безусловно, произошла трансформация свободы. Из «гордых номадов», готовых уйти от любых притеснений власти или урбанизации, мы видим обратный процесс – вчерашние жители аграрного сектора уходят в города. Новый тип экономики, как сказал бы английский социолог Бауман, навязывает свою «свободу» с пропиской, налогами, регистрацией, кредитами и прочими атрибутами цивилизации. Очень символична в свете последних экономических событий в Казахстане мысль Баумана. «...С другой стороны, потенциальная моральная оскорбительность стен замаскирована моральной нейтральностью тех обличий, в которых они предстают публике. Стены редко фигурируют как стены; обычно о них думают как о ценах на сырье, как о марже прибыли, как об экспорте капитала, как об уровне налогообложения. Нельзя хотеть бедности для других, не чувствуя себя моральным ничтожеством; но можно хотеть снижения налогов. Невозможно хотеть продления голода в Африке, не испытывая к себе отвращения; но можно радоваться падению цен на сырье» [9, с. 119]. И если ранее герой Есенберлина сжигает город (хотя этот эпизод подвергся критике в Интернете, ибо ныне статус приемника этого города вырос с 1997 года), то ныне потомки этого героя рады любому пепелу в его джунглях.

2. Плюрализм в выборе вере, независимость от духовенства потихоньку имеют тенденцию ухода если не к радикализму, то к элиминированию других, или даже исконных религиозных взглядов. Прежний кочевник, подобный тому, который встретился герою Лескова [10, с. 65], становится примерным членом уммы.

3. Ценность свободы и разговоры о ней превращаются лишь в эпатаж и погоню за ин-

тересами. Происходит медиадизация свободы («шокирующие» репортажи сайта Vox Populi, обсуждение творчества Акселеу Сейдимбека). Интерес вызывает лишь все, что связано с личной жизнью людей, и несмотря на критику, пользуется спросом. Отдельные люди требуют ревизии искусства в духе Платона за излишнюю откровенность и крамолу, например, критикуя фильм «Кыз-Жибек», забывая, что ревизии надо тогда подвергнуть и путь Абая за эпизод с Кодаром и Камкой, и даже «Кочевников» Есенберлина. Правда, забывая, что произведение искусства – не документ.

4. Существующие арт-фестивали, неформальные театры в казахстанском обществе зачастую постулируют себя поборниками свободы, но их свобода заканчивается интересом к эзотерическим учениям дальнего зарубежья, тогда как отечественные проблемы или традиции не входят в поле их интересов. Появление своих Феллини, Имамура, Пазолини встречается враждебно, хотя такие творцы, по мнению кинокритиков, являются теми людьми, которые, обнажая пороки своего общества, становились его спасителями.

Конечно, свобода, наверно, как и культура, начинается с ограничений. Иначе она рискует превратиться в анархию. Мысли немецкого философа Гюнтера Рормозера показывают, что проблемы духовных метаний и отчуждения характерны не только для постсоветских обществ. «Поэтому в Германии растущим спросом пользуются секты. Люди надеются найти в сектах осуществление своих желаний, предмет своего поиска. Можно осуждать, что у этих людей именно такие желания, но призывами и просветительством невозможно воспрепятствовать вступлению людей в секты. Можно заклеить эти секты, но это тоже сути дела не изменит. При либеральном самосознании следовало бы позволить каждому искать недостающие ему истину и авторитет там, где их предлагают. В сектах существуют свои догмы и авторитеты, но там устанавливается и подчинение индивида этим авторитетам. Оставаясь верными своей логике, либералы даже не могут упрекать членов секты в добровольном подчинении авторитетам, ибо каждый индивид волен отказаться от свободы, если он этого хочет. Если свобода – в либеральном понимании – не включает в себя также права на заблуждение, то это уже не либерализм. Свобода заниматься саморазрушением, в конечном счете даже свобода покончить жизнь самоубийством тоже принадлежат к свободам, которыми располагает современный человек» [11, с. 236].

С другой стороны, призыв Рормозера к сохранению христианских ценностей не означает ухода в религиозный фанатизм. Ведь как бы теперь не было модно сваливать все беды в обществе на бездуховность и безбожность, подлинными атеисты не являются сторонниками насилия, а также не являются деградировавшими личностями, скорее наоборот.

В исследовании психолога Бейт-Халлахми портрет атеиста складывается из гуманизма, толерантности и образованности [12, с. 307], и атеисты в целом гораздо более образованные, и реже чем верующие, как не парадоксально, составляют

контингент тюрем [12, с. 306]. Казахское общество подобно молодому амишу, который после долгих лет жизни в общине имеет право пожить некоторое время в обычных американских городах. Не имея навыков выживания, он уходит обратно в общину. Это изначально ситуация несвободы выбора, как замечает Жижек [13]. И худшей реакцией на изменения в обществе может быть не замыкание на религиозной идентичности как попытки нахождения опоры и защиты перед манящим и недоступным внешним миром, но появление фанатичного микста, объективированного в лице Андреса Брейвика [14, с. 79].

Литература

- 1 Сегизбаев О.А. Традиции свободомыслия и атеизма в духовной культуре казахского народа. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 168 с.
- 2 Кабыкенова Б. С. Идея свободы в истории философии права. – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – 310 с.
- 3 Olcott Martha Brill (1995). *The Kazakhs* (2nd ed.). Stanford, California: HOOVER INSTITUTION PRESS Stanford University.
- 4 Свобода совести в Казахстане. У барьера общественного сознания. В трех частях. Часть 1. – Алматы, 2002. – 152 с.
- 5 Жижек Славой. Чума фантазий. – Х.: Гуманитарный центр, 2012. – 388 с.
- 6 Ибраева В. Отцы и дети казахстанского contemporary art // Тамыр. – 2002. – №1 (6). – С. 55-61.
- 7 Селин О.В. (ред.) Синдром гения. Сборник произведений по философии гениальности. – М.: Алгоритм. 2009. – 288 с. Серия: Философский бестселлер.
- 8 Свобода собраний в Республике Казахстан: отчет по мониторингу / Обществ. фонд «Хартия за права человека»; сост. А.Шорманбаев.– Алматы, 2006. – 58с.
- 9 Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г.М. Дашевского., предисл. Ю.А. Левады – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- 10 Лесков Николай. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. – Илл. И. Глазунова. – М., 1973. – 446 с.
- 11 Рормозер Гюнтер. Кризис либерализма. – М.: Изд-во Института философии РАН, – 1996. – 292 с.
- 12 Martin M. (Editor). *The Cambridge Companion to Atheism*. – Cambridge University Press, 2007. – 320 p.
- 13 <https://fmbooks.files.wordpress.com/2010/08/zizek-text.pdf>
- 14 Славой Жижек. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. – М.: Издательство «Европа», 2012. – 272 с.

References

- 1 Segizbaev O.A. Tradicii svobodomyслия i ateizma v duhovnoj kul'ture kazahskogo naroda. – Alma-Ata: Nauka, 1973. – 168 s.
- 2 Kabykenova B. S. Ideja svobody v istorii filosofii prava. – Almaty: Қазақ uni-versiteti , 2004. – 310 s.
- 3 Olcott Martha Brill (1995). *The Kazakhs* (2nd ed.). Stanford, California: HOOVER INSTITUTION PRESS Stanford University.
- 4 Svoboda sovesti v Kazahstane. U bar'era obshhestvennogo soznaniya. V treh chastjah. Chas-t' 1. – Almaty, 2002. – 152 s.
- 5 Zhizhek Slavoj. Chuma fantazij. – H.: Gumanitarnyj centr, 2012. – 388 s.
- 6 Ibraeva V. Otcy i deti kazahstanskogo contemporary art // Tamyr. – 2002. – №1 (6). – S. 55-61.
- 7 Selin O.V. (red.) Sindrom genija. Sbornik proizvedenij po filosofii genial'nos-ti. – M.: Algoritm. 2009. – 288 s. Serija: Filosofskij bestseller.
- 8 Svoboda sobranij v Respublike Kazahstan: otchet po monitoringu / Obshhestv. fond «Hartija za prava cheloveka»; sost. A.Shormanbaev.– Almaty, 2006. – 58s.
- 9 Bauman Z. Svoboda / Per. s angl. G.M. Dashevskogo., predisl. Ju.A. Levady – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 132s. – (Biblioteka Fonda «Liberal'naja missija»).
- 10 Leskov nikolaj. Sobranie sochinenij v 6 tomah. Tom 3. – Ill. I. Glazunova. – M., 1973. – 446 c.
- 11 Rormozer Gjunter. Krizis liberalizma. – M.: Izd-vo Instituta filosofii RAN, – 1996. – 292 s.
- 12 Martin M. (Editor). *The Cambridge Companion to Atheism*. – Cambridge University Press, 2007. – 320 p.
- 13 <https://fmbooks.files.wordpress.com/2010/08/zizek-text.pdf>
- 14 Slavoj Zhizhek. God nevozmozhnogo. Iskusstvo mechtat' opasno. – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2012. – 272 s.